

1 апреля этого года исполняется 180 лет со дня рождения Гоголя — последняя в XX столетии «круглая дата» великого писателя, позволяющая лишней раз привлечь внимание к этой необычной, во многом еще загадочной фигуре русской и мировой словесности. Дополнительный свет на личность Гоголя проливает, на наш взгляд, эссе известного исследователя его творчества, которое мы предлагаем читателю.

Н. В. Гоголь. Рисунок А. С. Пушкина. 1833 г.

попало, но дело было сделано, и Гоголь уже из Петербурга, откуда и написано его первое письмо Пушкину, вынужден извиняться за допущенную неловкость и просить у Пушкина снисхождения за свой проступок.

Мы видим, как тянется Гоголь к Пушкину и как побаивается стать в слишком тесные отношения с ним, а оттого путается, впадает в конфузные положения, то играя адресом Пушкина, то называя жену Пушкина Надеждой Николаевной вместо Натальи Николаевны, то объявляя своим корреспондентом, что он чуть ли не каждый вечер проводит в обществе Пушкина.

Так, в письме А. С. Данилевскому он пишет: «Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я». (Нечто похожее будет потом сказано Хлестаковым: «Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился. Министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я»).

Конечно, ни о каких сборах «каждый вечер» не могло быть и речи. Гоголь в то время жил в Павловске, Пушкин с юной женой — в Царском Селе, Жуковский — поблизости в царском дворце. Круг Пушкина и Жуковского был далек от круга Гоголя, и хорошо, если Гоголю удалось побывать у Пушкина разок-другой.

Или взять фразу из письма М. А. Максимовичу от 23 августа 1834 года: «Наши почти все разъехались: Пушкин в деревне, Вяземский уехал за границу». Особенно смеш-

ПИСЬМА ГОГОЛЯ

Письма Гоголя и по сей день смущают его биографов. Они, за редкими исключениями, полны напряжения, какого-то восторга чувств, которые несвойственны обыкновенной переписке. Читая их, мы всякий раз невольно задаем себе вопрос: искренен ли Гоголь или он встает на котурны, пытается предстать перед своим адресатом не таким, каков он есть? Привычка Гоголя перебеливать свои письма известна. Беловой почерк Гоголя иногда настолько бесстрастен, отвлечен от автора письма, безукоризненно чист и идеален (вспомним любовь к переписыванию у Акакия Акакиевича), что понять что-либо о Гоголе из этого почерка невозможно. Гоголь этой чистотой как бы забеливает свои истинные переживания, как бы отводит читателя от своей души, как птица, делая круги над гнездом, отводит непрошеного гостя от своих птенцов.

Иногда в письме прорывается вопль, отчаяние, призыв к помощи, иногда и увеличительное стекло не поможет прочесть, что же на самом деле творится с Гоголем. Письма Гоголя полны откровения, где Гоголь без обиняков высказывается о себе, не щадя своей гордости, своего самолюбия. Его ум, как любил он говорить, караулит над собой и не дает сойти с оси иронического отношения к себе. Это тем более трудно, что, как только речь заходит о высоких вопросах, Гоголь впадает в торжественный тон. Но пафос Гоголя почти всегда сторожит ирония Гоголя.

Вдаваясь в излишества, он, остывая, сознает смешную сторону этих излишеств, их комизм. Он может сказать о своей книге: я размахнулся в ней эдаким Хлестаковым. Он смешист и смеется, отдаваясь бродящим в нем силам, и он, смеясь, видит в зеркале, где отражаются лица его героев, и свое лицо.

Можно сколько угодно подшучивать над тем, что в героях писателя отражается сам писатель, но для Гоголя это так. И хотя он говорил, что каждый раз изгонял из себя то Хлестакова, то Ноздрева, то Чичикова, что-то от этих персонажей жило в нем. В Гоголе жил отчасти и обжора Петух из второго тома «Мертвых душ», и Тентетников, помышлявший о благоустройстве всего русского государства, и Пискарев, мечтавший о лучшей красавице Петербурга, и Шпонька, панически страшившийся женитьбы.

Читая его переписку, мы легко выуживаем из нее сведения о том, откуда взята сцена приема у «значительного лица» в «Шинели», сцена аудиенции у «министра» (которого Гоголь по требованию цензуры переделал в «вельможу») в повести о капитане Копейкине. Они списаны с собственных мытарств Гоголя. Интонации его первых писем ма-

меньке из Петербурга напоминают причитания голодного Хлестакова, когда тот сидит без обеда в гостинице. А угрозы в адрес влиятельных лиц, мешающих ему занять кафедру всеобщей истории в Киеве, похожи на проклятия героя «Записок сумасшедшего», которые тот шлет своим обидчикам.

Гоголь и социальный пария, и всеведущий гений, и маленький чиновник, и человек, чей талант в короткие сроки ставит его на самый верх образованного дворянства столицы, и стесняющийся провинциал, жмущийся к стенке в роскошной гостинице.

Гоголь, конечно, умеет и организовывать людей, ставить их в зависимость от своей воли. Он человек практический, и Плетнев, Шевырев, Прокопович, Анненков и другие работают на него, участвуют в его делах, переписывают «Мертвые души», издают их, ведают доходами и долгами Гоголя.

Но при этом он остается благодарным другом многих из них. Он платит по счету дружбы лучшим, что в нем есть, — затаенно своею добротой. В. Вересаев приводит слова Екатерины Языковой, жены А. С. Хомякова, у которой Гоголь крестил сына, названного в его честь Николаем: «Я люблю Гоголя, он очень добрый».

А вот свидетельство А. О. Смирновой: «Ему всегда надо пригреться где-нибудь, тогда он и здоров».

Гоголь «пригривался» во многих домах — он жил у той же А. О. Смирновой, у В. А. Жуковского, у Виельгорских в Ницце, у С. П. Апраксиной в Неаполе, у М. П. Погодина и графа А. П. Толстого в Москве. Он жил в Риме через стенку с П. В. Анненковым, с Н. М. Языковым, с В. А. Пановым, а в Петербурге с А. С. Данилевским.

Гоголь может хвастаться своим знакомством с министром почт, посланником, даже с государыней, но на самом деле он этого министра и посланника и в глаза не видел, а уж тем паче — государыни (так как никогда не был допущен во дворец); эти имена и чины нужны ему, чтобы закамуфлировать свое низкое положение, уверить маменьку или провинциала-приятеля в своих успехах, а заодно уверить и себя, что он со всеми этими лицами «на дружеской ноге». Тут не только бахвальство молодости, но и сочинительство, праздник фантазии, пир воображения.

Блики этой игры падают и на отношения с Пушкиным — отношения, которые в жизни Гоголя значили, может быть, больше, чем любая привязанность и любая страсть. Традиционно считается, что Пушкин и Гоголь «дружили». Гоголь читал Пушкину свои повести и пьесы, Пушкин одобрял их, поощрял молодого собрата. Гоголь, платя Пушкину благодарностью, писал статьи

А. С. Пушкин. Рисунок Н. В. Гоголя. 1833 г.

для «Современника». Идиллия отношений старшего и младшего осеняет этот союз. Но на деле эти отношения содержат в себе как высокое, так и смешное, в них видны близость и отталкивание, сотрудничество и соперничество — все то, что бывает между великими людьми, когда они встречаются на перекрестке истории.

Биографы Гоголя, как правило, ограничиваются информационными сведениями о литературных связях двух поэтов. Они опускают их социальное неравенство, разницу в образе жизни, привычках, воспитании, в друзьях. Они не касаются и творческого конфликта, который обнаружился при издании «Современника». И, наконец, не приводят ни писем Гоголя к Пушкину, ни записок и писем Пушкина к Гоголю.

Первое же письмо Пушкину от 16 августа 1831 года говорит о величайшей неловкости, которую допустил Гоголь, прося маменьку адресовать свои письма не ему, Гоголю, пребывающему в Павловске в должности учителя у полумного сына князя Васильчикова, а Пушкину, живущему по соседству в Царском Селе. Эта неловкость была следствием желания объявить в округе, что сын Марии Ивановны чуть ли не на «ты» с самим Пушкиным и до того близок к нему, что и корреспонденцию на свое имя получает через Пушкина. Маменьке он сообщает: «Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское село так».

Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

А вас прошу отдать Н. В. Гоголю». В следующем письме он напоминает: «Помните ли вы адрес? На имя Пушкина, в Царское село».

Пушкин, конечно, не уполномочивал Гоголя давать свой адрес кому

то звучит в этом контексте слово «наши». «Наши» подразумевает приятельство, дружбу домами и т. д., но ничего подобного в отношениях Гоголя, Пушкина и Вяземского не было.

Гоголь и про Крылова может сказать, что тот «летает, как муха по обеду». Он и про Пушкина может написать в письме, что тот прожигает жизнь в столице, вместо того чтобы сидеть в деревне. Быт Пушкина чужд быту Гоголя, этаж, который занимает квартира Пушкина, и две комнатки под крышей, где обитает Гоголь, разделяют их жизнь невидимой пропастью.

И вместе с тем нет в России людей более близких в то время, чем Пушкин и Гоголь. Это близость поэтическая, творческая. Гоголь и боготворит Пушкина, и подсмеивается над Пушкиным, он не знает ему подобных в русской литературе и русской жизни, и он уезжает из России, не простившись с Пушкиным. «Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься», — пишет он Жуковскому, — впрочем, он в этом виноват». Тут слышатся и обида, и гордость, покрывающие противоречие, в которое неминуемо должны были войти творческие отношения двух поэтов: Пушкин уже завершал свой путь, Гоголь лишь начинал.

Но еще об одном факте все же упомянем: сжигая в ночь на 12 февраля свои бумаги, Гоголь не все из них предал огню. Среди оставшихся оказались письма и записки Пушкина. До последнего мгновения Гоголь оставался верен любви к Пушкину, почитанию его имени.